

Олег Северюхин

Учитель

Олег Васильевич Северюхин

Учитель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11060520

ISBN 978-5-4474-1432-0

Аннотация

В 1918 году большевики создали Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем, ЧК. Обуреваемые благими побуждениями, они создали систему общественных законспирированных контролеров за деятельностью ЧК, которых назвали «учителями» с правом обращения к первому лицу государства. Очень скоро власть опомнилась и стала уничтожать учителей и их учеников как опасных животных.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Учитель
НКВД-фэнтези
Олег Васильевич Северюхин

© Олег Васильевич Северюхин, 2015

© Олег Васильевич Северюхин, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Пролог

Мы бежали по летнему, залитому солнцем тротуару, и катили перед собой обода велосипедных колес без спиц, подталкивая их или палочкой, или крючком, сделанным из стальной проволоки. Лязг тонкого металла обода об асфальт был громким, и он создавал ощущение нахождения в прозрачной кабине одноколесной машины, несущейся по тротуару при помощи волшебной силы, готовой поднять тебя ввысь и понести над землей, над твоим городом, над большой рекой и унести так далеко, куда не ступала нога ни одного путешественника.

В какой-то момент лязг колеса слился в одно тонкое гудение и внезапно жара, грохот и слепящее солнце сменились прохладой, тишиной и полной темнотой. Так всегда бывает, когда заходишь с улицы в затененные сенцы деревенского дома. В сенцах глаза быстро привыкают, а темнота, в которую я попал, не исчезала. Вдалеке вспыхивали редкие огни, но они светили в глаза, не освещая того, что находилось вокруг. Я даже не видел себя. Где-то в стороне слышался шум машин, голоса людей, но никого поблизости не было.

Постепенно я начал различать свои руки, одежду, как в кино после начала сеанса. И все происходящее вокруг мною воспринималось как кино, потому что никто совершенно не обращал на меня внимания, даже проходящие машины не сигналили мне, чтобы я ненароком не попал под их колеса.

Я потряс головой и ощупал себя. Вроде бы сам цел, но голова очень тяжелая. В левой стороне груди в области сердца была резкая боль. Трудно поднять левую руку. Я сунул правую руку под гимнастерку и сразу понял, что это штифты двух орденов Красного Знамени впились в грудь при падении. Откуда я падал? Вдалеке что-то бухало, и звук ударной волной качал меня из стороны в сторону.

Я достал из кармана документы. Читаю. Капитан Репин Иван Алексеевич, должность – командир артиллерийской батареи войсковой части 29803. Так, это же моя батарея ведет бой и мой наблюдательный пункт должен быть где-то рядом. Я пошел в сторону вспышек и громких звуков.

В десяти шагах я увидел группу солдат, что-то собиравших у огромной воронки в земле. Увидев меня, они бросились ко мне с криками:

– Товарищ капитан, товарищ капитан, вы живы!

Какой-то усатый пожилой солдат, часто моргая глазами, сказал:

– Думал я, Иван Алексеевич, что от вас только один обрывок шинели остался.

Я совершенно не помнил, кто я и где нахожусь. По-медицински это называется амнезией. Память отшибло. Но я четко знаю все, что будет потом.

Мне доложили, что танковая атака немцев отбита. Подбито три танка, два бронетранспортера. Стрелковый батальон впереди прочно удерживает позиции. У нас потери пять человек. Управление батареи в полном составе. Погибли от прямого попадания авиабомбы на наблюдательный пункт. Я подписал донесение, и молча лег на разостланную на земле шинель.

Мое молчание с разговаривающими со мной людьми становилось неестественным. Я чувствовал, что могу говорить, но я не знаю, что мне говорить, и как обращаться к людям, которые меня окружают.

Я прокашлялся и сказал:

– Вы извините, но я совершенно ничего не помню. По документам я знаю, как меня зовут, и кто я, но я совершенно не знаю, кто вы. Расскажите мне о себе и расскажите, где мы находимся и какой сейчас год.

Мне представились командиры взводов и командир взвода управления. Рассказали, что мы имеем задачу поддерживать второй батальон 105 стрелкового полка, готовящегося к штурму Сапун-горы недалеко от города Севастополя. Сейчас июль 1944 года и я в течение полугода команду этой батареей. Командир первого взвода предложил мне отдохнуть, а завтра отправиться в медсанбат, чтобы врачи посмотрели, нет ли каких других последствий контузии.

Солдаты уже углубили воронку, из которой меня выкинуло взрывной волной, накрыли ее плащ-палатками, и получилась неплохая землянка, которую на скорую руку можно выстроить на каменистой крымской земле, чтобы укрыться от непогоды.

Старшина батареи, Василий Андреевич, тот усатый, который подал мне обрывок шинели, и вестовой Арсентьев накрыли ужин. Потихоньку подошли командиры взводов, чтобы выпить за мое благополучное спасение.

Наркомовская водка благотворно подействовала на меня. Я уже не чувствовал скочанности, помнил имена окружавших меня людей и постепенно возвращался в ту жизнь, из которой меня пыталась выжить немецкая авиабомба.

Все вокруг было прекрасно. И темная крымская ночь, усеянная крупными жемчужинами звезд, и добродушные люди, сидевшие рядом со мной за столом из грубых досок, накрытых плащ-накидкой.

Я мечтательно потянулся и сказал:

– Скоро, ребята, война закончится и жизнь будет все равно лучше, потому что не будет войны.

Разговор медленно крутился вокруг сроков окончания войны и того, как мы будем жить.

Удобно устроившись на чужой шинели, я сказал:

– Война закончится скоро. Осталось всего десять месяцев. В мае 1945 года будем праздновать победу, а в июне состоится грандиозный парад на Красной площади. Парадом будет командовать Маршал Рокоссовский, а принимать парад будет Маршал Жуков. Жуков будет на белой лошади, а Рокоссовский на серой в яблоках.

Мне все стали дружно возражать, что парад будет принимать Великий Сталин, потому что он отковал и подготовил Победу. Я не стал возражать. Пусть думают, что это фантазии. Потом вспомнят, кто был прав.

Затем речь пошла о том, как мы будем жить после войны. Под руководством Сталина и коммунистической партии мы быстро восстановим то, что разрушили фашисты и будем дальше строить социализм. И я снова не удержался, чтобы не сказать, что в 1953 году Сталин скоропостижно умрет, а пришедшие ему на смену руководители доведут страну до такой степени, что в 1991 году компартию вообще запретят.

Арестовали меня рано утром. Без шума. Война для меня закончилась. На самолете меня куда-то привезли. Держали в тюрьме, в одиночной камере. Так как охрана и следователи носили васильковые погоны, то это было Лефортово, ведомство МГБ.

Допрашивал следователь в звании майора, который кричал, что я немецкий шпион и требовал сказать, где и когда меня завербовала немецкая разведка? Кто мне дал задание убить товарища Сталина? Кто вместе со мной направлен для совершения террористических актов в отношении руководителей Коммунистической партии и Советского правительства?

Я не мог дать им каких-то вразумительных ответов, потому что я вообще ничего не мог рассказать о себе, даже того, чтобы они смогли заполнить протоколы допроса.

Мне предложили работать на них, чтобы искупить свою вину перед товарищем Сталиным и советским народом. Мое ничегонезнание ставило их в тупик. Приходившие для беседы со мной врачи в белых халатах и офицерских кителях под ними дали однозначный ответ: маниакальная шизофрения, комплекс Кассандры, политически и социально опасен.

Меня поместили в маленькую камеру, в которой сидел сравнительно молодой человек, примерно моего возраста, с длинными русыми волосами и неподстриженной светлой бородкой.

– Я знаю, кто ты, – сказал мне мой новый сосед.

– И я знаю, кто ты, – ответил я ему.

И мы надолго замолчали. Иногда мне казалось, что я различаю мысли, которые его беспокоят. Если он даст бессмертие высшим руководителям государства, то ему создадут такие условия для жизни, в каких не живет ни один человек на земле, какой бы богатый он ни был. Но это не было для него внове. Ему когда-то давно уже предлагали стать владельцем всего мира, но он отказался, потому что для этого нужно было встать на сторону темных сил.

Я чувствовал, что начинаю сходить с ума, хотя до последнего мгновения считал себя нормальным человеком, потерявшим память от контузии и приобретшим способность предсказывать будущее. Неужели госбезопасность арестовала Сына Божьего? Или, прости меня Господи, внука Божьего. Неужели Сын Божий снова Духом Святым снизошел на Землю и вдохновил женщину земную на рождение Мессии? И оставил его на земле для принятия мук, чтобы очиститься и вознестись к Отцу своему чистым душой.

Сын Божий в тюрьме долго не сидел и распят был в возрасте тридцати трех лет. И этому человеку примерно столько же лет. Значит, нисшествие Сына Бога или Святого Духа на землю произошло в 1910 году. И для семени Божьего избрана была Россия, как государство многомученическое со светлым будущим.

А со светлым ли будущим? Евреям до сих пор простить не могут, что не они, а римляне распяли Иисуса Христа. Сейчас же получится, что русские распяли другого Сына Божьего. Хотя и не русские руководят государством Российским, но пятно Богоубийства падет на русский народ. Боже, зачем ты несешь такие страдания и испытания моему многострадальному народу? Неужели не хватит ему тех лишений, которые он преодолевает постоянно на протяжении многих веков?

Вероятно, и мой сосед чувствовал то же, что и я, поэтому он сказал:

– Ты не тот человек, за которого тебя все принимают. Тебя избрал я, чтобы ты в третьем тысячелетии от рождения Отца моего рассказал людям о пришествии на землю сына Его, который разрешит все противоречия, раздирающие землю.

Людям нельзя внушить истину. Как творение Божье они сами себя познают Истиной. Они придумывают новых Богов, чтобы посеять вражду на земле и уничтожить других людей, как бесполезную живность. Они развяжут всеобщую войну, будут скрываться за спинами их детей и женщин, не боясь применять страшное оружие, которое может уничтожить то, что создано Богом. Месть их оружие. Она ослепляет их в борьбе с Богом и его творением, выжигает мысли о том, что и другие люди такие же, как и они, и созданы одним Богом, а не разными.

Ты уйдешь первым. Не бойся, ты не умрешь. Все произойдет так, что ты ничего не почувствуешь. Когда ты будешь спускаться по лестнице под конвоем очень красивой женщины, она выстрелит тебе в затылок из нагана, и на последней ступеньке ты тихо упадешь и погрузишься в темноту, в которой тебе будет тихо и спокойно. Ты встанешь и пойдешь вперед. Вдали ты увидишь огонь. Это свет жизни. Иди к нему и не бойся. Я приду к тебе. Ты меня узнаешь сразу. Я думаю, что ты и твои друзья будете ждать меня, а все те, кто живет рядом с вами, будут знать о моем приходе в Россию.

Темнота внезапно кончилась, и яркий сноп света осветил ватагу мальчишек, несущихся по тротуару с ободами от велосипедных колес без спиц, подталкиваемых палочками или крючками, сделанными из стальной проволоки.

Я оглянулся на мужчину, в которого влетел вместе со своим колесом. Он с улыбкой помахал мне рукой и пошел дальше. А я изо всех сил бежал к тому времени, когда мы с ним

снова встретимся и поговорим о тех вопросах, которые не смогли обсудить в полутемной камере Лефортово. Сколько еще пройдет превращений под дребезжащий звон металла, пока мы найдем хотя бы частичку Истины, чтобы избежать топтания на месте, ломая все, что уже было создано.

Глава 1

Огромная картонная коричневая папка с тесемками и надписями типографским способом «Управление НКВД СССР по Ленинградской области» и крупнее «Литерное дело №1275/12 «*Учитель*»». Слово «Учитель» написано от руки фиолетовыми чернилами и пером почти каллиграфически. Тесемки от времени затвердели и не развязывались, а ломались.

Папка начиналась незаполненным протоколом допроса свидетеля, под которым лежало большое количество разрозненных листов тетрадной бумаги в линейку и в клеточку, развернутых по формату листа А4. Каждый лист был исписан убористым почерком чернильной ручкой, а затем и перьевой авторучкой. Старинные бумаги. Отложил их в сторону, чтобы почитать на досуге. Досуг выдался через двадцать лет. Бумага стала еще более желтая и кое-где на сгибах ломалась, как печенье.

Начав читать, я подумал, что читаю лекцию по истории КПСС или конспект по марксистско-ленинской подготовке, но, читая дальше, я убеждался, что это записи свидетеля происходивших событий. При более тщательном анализе записей можно было выявить и автора. Я уже не говорю о графологической экспертизе, но то, что было написано, откладывало вопрос об авторстве на последний план. Пересказать все дословно я не смогу, поэтому буду переписывать, сохраняя грамматику свидетельских показаний литерного дела.

«В день октябрьского переворота мне исполнилось семнадцать лет, и я был слушателем подготовительных университетских курсов. На следующий день после именин папа сказал мне, чтобы я шел в Смольный институт и нашел там господина Глейна.

В небольшом кабинете мне дали портфель коричневой кожи с застёжками, десять тетрадей в клеточку, карандаш и сказали:

- Пиши!
- Что писать? – спросил я.
- Все, – сказали мне.
- Как все?
- А так, все. И не отставай.

Мы пошли. Портфель я использовал как подставку и писал то, что видел. Я всегда был за спиной и всегда писал. Для чего? Не знаю, потому что то, что я писал, может когда-нибудь взорваться, убив всех, кто находится рядом и убив меня.

В доходном доме на Литейной мы по-хозяйски вошли в квартиру на первом этаже. Обстановка говорила о достатке хозяина. Мне поручили приготовить чай.

Приблизительно через полчаса в квартиру вошел человек лет сорока пяти, в черном пальто, мягкой фетровой шляпе и в пенсне.

- Присаживайтесь.
- Спасибо.

– Рекомендую к чаю свежие рогалики. Чай английский, но произведен в Индии. В лавке колониальных товаров такой не купить, но специально для вас привезен из-за границы. Кстати, как относится население к совершенному перевороту и аресту Временного Правительства?

– Пока никто и ничего не понимает. Простому народу это безразлично. Офицерский корпус ждет командира, который бы приказал переломать ребра всем политикам. Без команды ничего делать не будут, и опасности для большевиков не представляют. Активны эсэры, особенно правые. Собираются у Браудерера. У этих хватит смелости первыми применить оружие, как и большевикам.

- Что-то вы большевиков недолюбливаете?

– А кто их любит? Откуда они взялись? Из-за границы в опломбированном вагоне? Разложили армию при полном попустительстве властей...

– Хватит про большевиков. Помяните мое слово, вы еще будете с восторгом говорить о них хвалебные слова.

– Кто? Я? Это будет возможно, когда...

– Все-все-все. Спасибо. Очередную встречу назначим через десять дней в это же время. Постарайтесь узнать, кто вынашивает намерения объединения для противостояния власти Советов. Считайте это самым основным заданием.

Господин ушел.

Глейн позвонил куда-то по телефону.

– На сегодня хватит. Иди домой. У тебя хватит ума никому не показывать эти записи?

– Хватит.

– Тогда завтра в десять часов.

Я шел по немногочисленному Петрограду, внутри которого кипели страсти, и решалась судьба всей России. Кому-то выпадает жребий взлетать на гребень девятого вала, а кто-то обречен лежать на берегу спокойного озера в глухой губернии России, в стороне от столбовых дорог и сопричастности к великим делам. И, возможно, что он более счастлив в своей спокойной и размеренной жизни.

Глава 2

29 октября. Идет допрос Браудерера. Член партии эсеров. На столе удостоверение, что Браудер А. А. назначен комиссаром Владимирского военного училища. Подпись: член Комитета спасения А. Гоц, секретарь М. Броун. Печать Всероссийского комитета спасения родины и революции. На машинке отпечатан приказ №1 по войскам Комитета спасения родины и революции. Подписан – полковник Полковников, подполковник Хартулари. Приказано – игнорировать распоряжения Военно-революционного комитета (ВРК) большевиков, арестовать членов ВРК, штаб комитета в Николаевском инженерном училище в Инженерном замке. Отдельно отпечатаны боевые распоряжения Владимирскому и Павловскому военным училищам.

– Как прикажете это понимать, господин Браудерер?

– А что вы хотите понять?

– Означает ли это, что партия эсеров начинает новое вооруженное восстание с целью захвата власти в России?

– А разве переворот, осуществленный большевиками, не является захватом власти?

– Раньше надо было об этом думать. Сейчас у власти не Временное Правительство и оно так просто не уйдет. Диктатура не остановится ни перед чем для удержания завоеванного.

– Стрелять будете?

– Будем.

– Всех?

– Всех.

– Как разбираться будете?

– Никак. Кто не с нами, тот против нас.

– Всю Россию не перестреляете.

– Перестреляем. Будем стрелять до тех пор, пока оставшиеся сами на колени не встанут.

– Рабов будете делать?

– Зачем нам рабы? Будут свободные люди нового государства, которые сознательно защитят себя от врагов, замаскировавшихся под нормальных людей.

– А не страшно?

– Страшно будет только вначале. Потом все привыкнут.

– Дети будут доносить на отцов?

– Не только они, но и отцы на детей, и жены на мужей, и прихожане на священников, ученики на учителей, и учителя на учеников. Даже воры будут доносить на воров.

– Воры не будут доносить на воров.

– Будут. Мы их возьмем к себе на службу охранять воров.

– А если они откажутся?

– Мы возьмем себе других воров или назначим честных людей ворами.

– Разве такое может быть?

– Еще как может быть.

– Да, теперь мне действительно становится страшно.

– Тогда рассказывайте, что вам известно.

– Я ничего говорить не буду.

– И не надо. Вот телеграмма ваших руководителей, принесли с телеграфа. Вот подписи вашего председателя Совета республики Авксентьева, председателя Комитета спасения Гоца, комиссара по армии Синани, члена ЦК партии эсеров Броуна. Вам зачитать?

– Не надо.

– А почему у вас у всех фамилии какие-то нерусские.

– Фамилии как фамилии, мы граждане России и ее патриоты.

– Это вы сможете объяснить Ивановым, Петровым, Сидоровым?

– Не Ивановы, Петровы и Сидоровы определяют судьбу России, а либеральные демократы-интеллигенты и либеральные капиталисты, выступающие за демократическое развитие нашего государства.

– Либерализм вас и погубит. Вернее, уже погубил. Вы еще вспомните себя и будете горько сожалеть, что история не имеет сослагательного наклонения. Всплески либерализма еще будут, но это будет сделано только для того, чтобы ростки ваши проклюнулись из подполья, и чтобы вас легче было выкорчевать. Идите.

Брудерера увели.

Глейн закурил.

– Ну, как?

– Что, как?

– Твоя работа?

– Работа как работа.

– Ты прав, работа как работа. Запомни, что продолжительность твоей работы будет зависеть от длины твоего языка и вообще от наличия одного.

– Понял.

– Тогда пошли.

Глава 3

Петроградский Военно-революционный Комитет.

За столом чернявый мужчина с зачесанными назад вьющимися волосами. Явно нерусский, но по-русски говорит хорошо, правильно, четко выговаривая все слова.

– Докладывайте.

– Раскрыт заговор правых эсеров. Особой опасности не представляет. Превентивные аресты произведены. Блокированы военные училища. Были небольшие перестрелки. Набралось не более трех рот юнкеров. Почти все уничтожены.

– Что надо сделать, чтобы подобные выступления не повторялись?

– Первое – усилить агентурную работу, чтобы в зародыше подавлять подобные выступления. Второе – руководителям ВРК и руководителям российской социал-демократической партии большевиков иметь в большинстве своем русские фамилии, чтобы не отвращать от себя многих сочувствующих. Третье – все документы по мятежу сложить в особую папку и позже провести показательный процесс по делу политических противников. А сейчас не давать большой огласки делу, на что в основном и рассчитывали руководители мятежа.

– Предложения дельные. Кстати, и вы смените фамилию, сделайте ее покороче, что ли, и не слишком звучащей. Например, Голов. Как?

– Хорошо, Иосиф Виссарионович.

– Не надо. Не люблю по имени-отчеству, так и кажется, что я родился в библейские времена и имею отношение к изменению мира по идеологическому признаку. Зови меня просто – товарищ Ст.

– Понял, товарищ Ст.

– А это кто?

– Мальчик.

– Хороший?

– Хороший.

– Смотри, мы все когда-то были мальчиками.

– Я это помню.

– А сейчас займитесь Учредительным собранием. Надо, чтобы оно совершенно естественным образом не состоялось. Если не ошибаюсь, оно созывается 28 ноября. Мы со своей стороны разрешим проведение собрания, но, чтобы на нем присутствовало не менее 400 членов собрания. Количество участников – это уже ваше дело.

– Понял.

Следующие несколько дней я переписывал пометки из записной книжки на листы тетрадной бумаги.

В квартиру на Литейной приходили разные люди. Один раз в два часа. Некоторые люди сидели десять-пятнадцать минут и исчезали. Другие сидели по часу и более, но тех под благовидным предлогом выпроваживали минут за пятнадцать до исхода второго часа. Из квартиры нельзя было выйти, потому что все часы были расписаны.

Я встречал людей у подъезда, сверяясь с данными мне приметами и наблюдая за тем, чтобы за приходящими людьми не было наблюдения. Чьего? Не известно. Возможно, тех людей, которые противостоят нам. А кому нам? Тоже не знаю. Я знаю господина Голова, записываю и не лезу с глупыми расспросами.

– Меньше знаешь – крепче спишь, – всегда шутил мой хозяин.

Да и у меня не было интереса вести расспросы. Что нужно, то скажут. Жалование платят. Не по ведомости, но хорошее. И продукты я получаю неплохие. Родители довольны.

– Как называется эта квартира? – спросил я.

– Это конспиративная квартира. Слышал, что ее в определенных кругах называют «кукушкой». Я думаю, что это последний вопрос, который ты задаешь. Другие вопросы могут сильно повредить тебе и твоей семье. Ты и так много знаешь. Такие, как ты, безнаказанно из дела не выходят. Заруби себе это на носу.

– Зарубил.

– Сейчас бери бумагу, садись и пиши:

В Военно-революционный комитет

Товарищу Ст.

Лично.

Контрреволюционными элементами готовится проведение массовых демонстраций против правительства и привлечение на сторону демонстрантов представителей войсковых частей, расквартированных в Петрограде. Особую активность проявляет правое крыло партии социалистов-революционеров, в частности В. М. Чернов, представитель ЦК партии кадетов Ф. И. Родичев, монархист В. В. Шульгин, министры бывшего Временного правительства С. Н. Прокопович и П. Н. Малянтович. Активистами вышеперечисленных политических сил создан «Союз защиты Учредительного собрания». Председателем избран эсэр В. Н. Филипповский.

По информации с мест, ожидается приезд не более ста пятидесяти членов Учредительного собрания от губерний. Представители Царства Польского, Великого княжества Финляндского, Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний Прибалтийского края на собрание не собираются. Под вопросом прибытие и сибирских представителей в связи с нерегулярностью движения транспорта.

В связи с возможным отсутствием кворума Учредительного собрания 28 ноября 1917 года собрание целесообразно перенести на начало 1918 года.

Голов.

– Написал?

– Да.

– Пишешь достаточно грамотно и почерк красивый. Смотри, если кто-то будет приказывать что-то написать для них, ты должен делать это только с моего личного приказа. Кто бы это ни был. Ты меня понял?

– Понял.

– Бери Следующий лист и пиши:

Товарищу Ст.

Строго секретно.

Лично.

Секретный сотрудник «Штырь» вступил в прямой контакт с работниками французской военной миссии в России Лораном и Вокье. Обсуждался главный вопрос: возможность похищения чемодана Фюрстенберга-Ганецкого во время поездки за границу или возвращения из-за границы.

Целесообразно информацию «Штыря» легализовать для компрометации сотрудников иностранных военных миссий.

Голов.

– Написал?

– Написал.

– Забудь.

– Забыл.

Легализовали информацию позже, когда шел суд над партией левых эсэров.

Глава 4

Постепенно становлюсь молчаливым и нелюдимым. Каждому знакомому не нужно отвечать, кто ты и чем занимаешься. Чем я занимаюсь, никому знать не положено.

В разгаре гражданская война. Мир разделился на две части. Первая часть – красные и белые. Это меньшая часть. Вторая часть – те, кому все по барабану. Этих во сто крат больше. Этим нужен мир и спокойная жизнь. Работа у себя на предприятии, торговля в лавке, учеба в школе и в гимназии, литературные вечера, балы и спектакли в театрах, визиты по четвергам, посиделки с девками и парнями. Эти не хотели ни воевать, ни ходить с флагами по улицам. Но они и не противились воюющим и митингующим.

Спросил Голова:

– Почему большевиков все ненавидят?

– Тебе это очень нужно знать?

– Не очень, но не хочется быть слепым.

– Тогда снимай темные очки. Большевиков ненавидят потому, что они изменили привычный уклад жизни. Это пытались сделать Емельян Пугачев и Стенька Разин. У них не получилось, потому что в России были решительные правители и дворянство. Армия им подчинялась беспрекословно. А в итоге Разина и Пугачева властям выдала казацкая старшина, получившая привилегии от правительства. Что будет, если в молоко налить простой воды?

– Вода, разбавленная молоком.

– Правильно. В России так и получилось. В учебу пошли разночинцы, которые за труды свои отмечались высокими орденами, дающими право на дворянство. Если бы они были бы такими же, как офицеры, вышедшие из солдат, возьмите литературный пример капитана Миронова, не пожелавшего присягнуть Пугачеву, то никакая сила не смогла бы совершить то, что случилось в России.

Большевики всколыхнули самую темную часть общества. Причем всколыхнули ее представители дворянства, как высшего, так и вышедшего из низов. Пепел Клааса стучал им в сердце. Ах, мы будем служить народу против царских сатрапов. Мы будем стрелять в генералов и в полицмейстеров, будем лить кислоту в лицо городовым, и вы с нами ничего не сделаете. И не сделали.

А большевики сейчас занимаются тем, что должен был делать мягкотелый царь и его министры. Почему большевики выпрыгивали из штанов, пытаясь убить Петра Аркадьевича Столыпина? Да потому что года через три крестьяне с вилами, а рабочие с совковыми лопатами ловили бы большевистских агитаторов и на тачках свозили на свалку истории.

Как все ругали Столыпина? А сейчас кто ругает большевиков? Почти все, но втихомолку и поодиночке, потому что в любой компании может быть наш человек, который нам расскажет, что и как. Даже Временное правительство могло бы обойтись без большого террора. Но ему хотелось править вместо царя. Сейчас пожинает плоды своего бездействия.

Лишение дворянских привилегий всех родственников революционствующих отпрысков увеличило бы грамотную прослойку обывателей России и уменьшило бы количество революционеров – их бы своими руками удавили эти родственники.

Брат цареубийцы Александра Ульянова не смог бы из мещанского сословия поступить в университет, он бы стал изгоем, таким Челкашом в дырявых штанах. Чужой среди дворянского сословия и чужой среди простонародья. Все, спел песенку, сиди на шестке и не кукарекай.

Вот этим сейчас и занимаются большевики. Они победят и будут властвовать до тех пор, пока вожжи не отпустят, а как только отпустят, вот тогда и слетится прятавшееся

по лесам и рядившееся в соловьев воронье, чтобы поклевать тухлятинки, отомстить за все годы вороньего существования. Ну, понял что-нибудь?

– Все понял.

– Ты понятливый мальчик и стремишься на мое место.

– Нет, нет, что вы!

– Не надо. Я тоже из мальчиков и был таким же, как и ты. Все выпрашивал учителя, а потом из-за его спины голос подал, соловьем запел и понравился. Стал учителем и тебя в мальчики взял.

– Учитель на вас сильно обиделся?

– Нет, потому что и он так же стал учителем из мальчиков. Судьба всех мальчиков быть учителями. Кому-то раньше, кому-то позже.

– А без учителей нельзя?

– Нельзя. Иначе подлость возьмет верх и установит свою династию, и учителя этой династии будут следить за тем, чтобы добро не бросало свои семена повсюду.

– А вы учитель подлости или добра?

– Правду говорят, что ученики превзойдут своих учителей. Я пока учитель подлости. Но затем подлость будет сама перерастать в добро, и все учителя подлости будут учителями добра.

Каторжники станут дворянами и вельможами. Наденут мундиры и займут троны в губерниях. Вельможи возглавят воровские шайки и профсоюзы нищих. И всем эти будут руководить большевики. Они будут новосвященниками, и будут сеять доброе и разумное.

Учителям придется лавировать между ними, каждый раз сверяясь с новой библией, добро ли сделанное добро, может быть, это просто завуалированное зло. Большевики создадут такое общество, что даже тогда, когда их прогонят, ничего собственно и не изменится. На место большевиков придут другие, на кабинетах вельмож поменяют таблички и все пойдет свои чередом. Откуда я это знаю? Я это чувствую. И ты должен научиться чувствовать.

– Я чувствую. Я могу определить, где жарко, а где холодно. Я чувствую любовь и ненависть.

– Этого мало. Это самые примитивные чувства. Скажи еще, что ты чувствуешь, где сладко, а где горько. Ты должен иметь большие знания и чувствовать биение истории, знать, по какой дороге она пойдет, чтобы встречать ее с хлебом и солью, потому что эта дорога подсказана тобой, а не тащиться вслед за историей.

– История всегда непредсказуема и ее невозможно чувствовать, учитель.

– Не называй меня учитель. Вообще никак не называй. И перестань вызывать у меня симпатию. Твое дело писать и прятать написанное. Но если ты хочешь стать учителем, то это дело пяти минут. Донеси на меня. Сейчас как раз время. Из старых учителей остался один я. И учти, доносы это главное в той системе, которой мы служим. Не будет доносов, не будет и нас.

– Что вы? Я на вас никогда не донесу.

– Не зарекайся. Иуда тоже не хотел доносить на Христа, но так было нужно Богу. И Иуда пожертвовал своим добрым именем, чтобы слава Иисуса жила в веках, а его имя было символом подлости. Даже мы своим доносчикам не платим сумму, кратную тридцати сребреникам, полученным Иудой. Я тебе скажу, когда на меня нужно будет доносить, потому что тогда донесут и на тебя, а меня уберут за то, что я не разглядел твоей сущности. Я тебе не зря говорил о том, что иногда зло делается и во имя добра.

– Мне страшно слышать все это. Неужели и меня ждет ваша судьба?

– Тебя ждет твоя судьба. Если ты будешь сидеть сложа руки, то она будет руководить тобой, а не ты будешь руководить ею.

– А разве судьбой можно руководить?

– Можно. Смотри на меня и научись. Завтра пойдем на собрание учителей. Будешь сидеть среди мальчиков. Ни с кем не здоровайся, если даже вы раньше были знакомы, ни с кем не разговаривай, не записывай ничего, запоминай, не показывай эмоций и не аплодируй. Умри.

– Умер.

Глава 5

Собрание учителей проходило в зале театра. На входе революционные моряки с винтовками, обмотанные как мексиканцы пулеметными лентами, проверяли билеты. Красноармейцы с повязками проверяли билеты при входе в зрительный зал:

– Пожалуйста, партер, место пятое, третий ряд. Вот ваша папочка.

Ноги утопали в толстом красном ковре. До приватизации театра и его имущества еще не дошло. Мой учитель сидел в партере, а я на полутемном балконе в окружении безликих личностей неопределенного возраста, роста и вида.

Центральная люстра переливалась бриллиантовым блеском хрусталя, легонько позвякивая в такт вдохам и выдохам сидевших и ходивших по залу людей. Золотая лепнина сияла, превращая в волшебную сказку все происходящее.

Раздался первый звонок. Затем второй звонок. С началом третьего звонка свет люстры уменьшился до света маленьких хрусталиков, ее составляющих, а занавес медленно раздвинулся. На сцене стоял длинный стол, покрытый красным бархатом, как бы являющимся продолжением занавеса. Спектакль начался.

– Товарищи! – громкие и продолжительные аплодисменты.

– Дорогие товарищи! – зал начал аплодировать стоя.

Человек в черной кожаной куртке и такой же кожаной фуражке, похожий на водителя шикарного автомобиля «Ролл-Ройс», призывно поднял руку, требуя тишины. Аплодисменты не прекращались. Только после того, как были подняты обе руки, аплодисменты начали стихать.

– Дорогие товарищи! Вторая Всероссийская учительская конференция объявляется открытой! – бурные и продолжительные аплодисменты.

– Для начала работы конференции нам нужно избрать рабочий президиум. Слово для предложений по избранию президиума предоставляется учителю Н. из города Пензы.

На сцену вышел коренастый мужичок в косоворотке, подпоясанный офицерским ремнем с портупеей и огромной желтой кожаной кобурой «парабеллума» на правой стороне. В руке он держал несколько листов бумаги, которыми потряс в воздухе.

– Товарищи, – сказал председательствующий, – список тридцати кандидатов в рабочий президиум есть в ваших папочках. Есть ли необходимость его зачитывать?

– Нет, – загудело в зале.

– У кого есть мнения против указанных товарищей?

– Нет, – загудел зал.

– Как будем голосовать, поименно или списком?

– Списком, – пробасил зал.

– Принято, списком. Кто за указанных товарищей – прошу поднять руки.

Лес рук.

– Против? Нет. Воздержавшиеся? Нет. Прошу избранных товарищей занять места в президиуме. Пока рассаживаются, есть предложение избрать почетный президиум в составе Центрального комитета Российской социал-демократической партии большевиков во главе с товарищем Л (У). Кто за – прошу голосовать.

Лес рук, аплодисменты.

Обсудили повестку дня, регламент, состав мандатной комиссии.

– Товарищи, перед началом конференции есть предложение спеть наш гимн.

Зал встал и загремел:

Вставай, проклятьем заклейменный

*Весь мир голодных и рабов,
Кипит наш разум возмущенный
И каждый в бой идти готов.*

Пели долго и вдохновенно. Каждый готов был взять винтовку или достать из кобуры «наган» или «маузер» и беспощадно стрелять по врагам революции.

Сели. Возбужденные. Готовые к приему любой информации, как неоспоримой истины.

– Слово предоставляется товарищу Л (У)!

Аплодисменты стоя.

– Гаспада!

Зал стих.

– Я не ошибся, именно – ГАСПАДА! Вы сейчас господа положения и господа нашей новой России. Время старых господ прошло и в России один господин – пролетариат и его передовая часть – учителя! Ура, товарищи!

– Ура! Ура!! Ура!!!

– А сейчас вернемся к текущему моменту. Социалистическое Отечество в опасности! На наше предложение о мире немцы ответили наступлением по всему фронту с целью уничтожить первое в мире государство рабочих и крестьян. Мы должны уничтожать все ценное имущество, включая и продовольствие, чтобы оно не попало врагу.

Всех представителей буржуазного класса на рытье окопов. Сопrotивляющихся – расстреливать. Все не сочувствующие нам газеты закрыть, а сотрудников на рытье окопов.

Контрреволюционных агитаторов расстреливать на месте. Посланный на противостояние немцам революционный отряд матроса товарища К. вдруг очутился в районе Херсона. И все потому, что не было там карающего меча революции.

Сегодня мы объявляем о создании из учительской организации чрезвычайной комиссии, ЧК, которой вручаем щит для защиты и меч для нападения. И каждый учитель с сегодняшнего дня будет носить гордое имя – чекист. В председатели к вам назначаем старого каторжника и борца с царизмом в России и в Польше товарища Ф. Э. Д.

Идите сюда, Ф. Э. Мы вам дадим самые широкие полномочия, и отчитываться будете только передо мной, то есть перед Центральным Комитетом.

Надо, чтобы вы защищали нашу республику как внутри ее, так и с внешних позиций. Революция ничего не стоит, если она не умеет защищаться. Никто не должен пройти мимо чрезвычайной комиссии. Вы будете давать всем пропуск в будущее.

Но вам еще нужно учиться, учиться и учиться. Учитесь у всех, кто может быть нам полезен. И не проявляйте мягкотелость в отношении врагов. Они не будут с нами миндальничать. И мы не будем миндальничать с теми, кто даже будет на подозрении, что он не наш человек. И в этом вы должны быть первыми.

Вы наши политические работники и ваши люди надежно закроют наши границы, чтобы буржуазная зараза не проникала к нам и не заражала чистый и устремленный в будущее народ России. Да здравствует мировая революция. Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Зал гудел. То он взрывался аплодисментами, то крики «ура» напоминали, что пора идти в атаку, пока вождь мирового пролетариата не передумал и не повернул назад, но больше всех распирало чувство неограниченных полномочий, когда любой чиновник или вельможа, генерал или маршал будут плакать горькими слезами, вымаливая у них прощение. Радужные картины так и витали над головами участников конференции, превращаясь в черные гравюры Дюрера, изображающие картины ада на земле.

Конференция закончилась чаепитием в буфете театра. Хорошо заваренный чай с сахаром и бутерброды с ветчиной, как будто и не было так называемых голодных очередей и бедствования Петроградского населения, приведшего к революции.

Учитель шел молча, делая крупные шаги. Спрашивать нельзя. Не в духе. Внезапно он остановился, и я воткнулся носом в его спину.

– Все понял?

– Не все.

– Что непонятно?

– Что будет с комиссией, когда исчезнет опасность для Отечества?

– Опасность для Отечества не исчезнет никогда.

– Почему?

– Страна, стремящаяся к мировому господству, никогда не откажется от этих мыслей, если даже не будет заявлять о них вслух.

– Но в будущем все будет не так.

– Так будет и в будущем. Пройдет очень много времени, сменится несколько поколений, которые, возможно, и забудут идеи мирового равенства и мировой революции. На смену идеологиям придут религии, у которых будут такие же большевистские постулаты. Тогда будет война не идеологий, а цивилизаций. Безжалостная война, в которой первую очередь погибнут совершенно безвинные люди, и война не закончится до тех пор, пока не будет уничтожен последний радикальный представитель воинствующей религии.

– Неужели такое может быть?

– Может и будет. Все будет зависеть от мудрости правителей.

– А как же мнение людей?

– Если мнение людей не подкреплено никаким финансовым или административным ресурсом, то оно ничего не значит. Его просто никто не услышит.

Партия большевиков существовала на бандитские деньги, добываемые разбоем, рэкетом, проституцией, азартными играми и на взносы сумасшедших промышленников и писателей, убежденных в том, что эти взносы им зачтут в случае победы революции как проявление лояльности.

Сейчас партия – государственный орган, существующий на партийные взносы государственных чиновников, которые не могут быть государственными чиновниками, если они не члены партии. Это называется схема государственного финансирования партии. При царе видных большевиков избирали в Государственную думу. Они там безбедно существовали и боролись с царским режимом на царские деньги. Все-таки ум – это самые большие деньги.

Глава 6

– Если бы нам на прожитие дали сто тысяч золотых рублей в империалах царской чеканки, что бы ты сделал в первую очередь? – спросил меня учитель через несколько дней после конференции.

– Сто тысяч? Да много что, – быстро сказал я. – Купил бы приличный дом. Нанял кухарку и дворника-сторожа. Купил бы собственный выезд, нанял кучера. Обновил бы гардероб и поехал за границу на воды.

– Чего же ты не сказал, что нажрался бы от пуза черной и красной икры? Как ты меня разочаровал, – сказал мой наставник. – Я думал, что ты будешь рассуждать как умный человек.

– Можно мне еще раз сказать? – попросил я.

– Говори, – согласился учитель, – но учти, что твои аргументы будут разбиваться моими контраргументами, поэтому думай, прежде чем говорить.

– Хорошо, – сказал я. – Деньги нужно спрятать или сделать так, чтобы они постоянно были при нас. Нужно сшить два пояса для денег и носить их с собой.

– Для человека, у которого больше трех рублей серебром в карманах ничего не было, ты рассуждаешь неплохо, – засмеялся учитель. – Давай посчитаем. Сто тысяч золотых рублей это десять тысяч империалов. Каждый империал – это примерно десять граммов чистого золота. Я не беру в расчет примеси. Всего получается сто килограммов. По пятьдесят килограммов на человека. Возьми мешок с кирпичами и носи его с собой. А про оружие забыл, чтобы себя и деньги охранять?

– Да, учитель, предложение мое не из умных, – согласился я. – Тогда золото нужно обменять на деньги, которые обеспечиваются золотым запасом выпускающей их страны. Например, американские доллары.

– Теплее.

– А еще лучше – положить эти деньги в банк и процентов с них хватит для того, чтобы обеспечить вполне приличное содержание, – продолжал фантазировать я.

– Еще теплее. Только я не знаю, убить тебя прямо сейчас или все же довериться тебе? – задумчиво спросил себя или меня наставник.

– Учитель, а что я сделал такого, за что я заслуживаю смерти? – ответил я вопросом на вопрос. – Никто не знает меня, мне слава не нужна. Вы спокойны за свою спину, а я не жду нападения спереди. Вероятно, я ошибался и поэтому принял некоторые меры предосторожности. Я не ем и не пью вместе с вами, а в моем рукаве спрятан браунинг «Бэби» калибра 6,35 мм, который достаточно неплохо стреляет на дальность 25 метров и всегда может пригодиться для личных и общественных дел. Я не давал повода сомневаться во мне, поэтому я буду защищаться от кого угодно, хоть от вас, хоть от государства рабочих и крестьян – только я могу распоряжаться своей жизнью.

– Неплохо, – сказал учитель. – Если бы не сегодняшнее испытание, я вряд ли бы узнал того, кто как тень постоянно следует за мной. Давай говорить серьезно. Не все учителя стали чекистами. Примерно ста учителям предложено исчезнуть из поля зрения всех, кто их знает. И даже в случае ареста чекистами никто не пошевелит пальцем, чтобы освободить их.

Чекисты знают, что учителя ушли в подполье, чтобы контролировать их, докладывая руководителю о том, что происходит в стране. Поэтому чекисты будут охотиться за учителями. Совсем скоро они найдут повод для красного террора, чтобы показать свою значимость для новой власти, а незримое присутствие учителей подхлестнет их ретивость, чтобы стать святее папы Римского.

Поэтому я сделаю проще и надежнее. Я уезжаю за границу и кладу деньги в банк. Буду решать поставленную задачу из-за границы. Ты остаешься здесь. Учителем. Без ученика. Никто даже не сможет заподозрить тебя, если ты будешь выполнять мои рекомендации по отправке донесений хозяину.

Связь будет односторонняя. Если кто-то будет пытаться выйти с тобой на связь, значит, тебя начали подозревать, что ты учитель. Я обязательно вытащу тебя к себе.

Никогда не проявляй жадность к деньгам. Это происки дьявола, пытающего погубить человека. Постарайся получить образование и не блистай своими способностями, а они у тебя отличные.

Почувствуешь опасность с чьей-то стороны – донеси, анонимно. Не сделаешь ты – донесут на тебя, чтобы очистить квартиру, получить твое место на работе или разлучить с девушкой. Народ и при старой власти не был ангелом, а сейчас он получил крылья, рога и копыта.

Никогда не ставь себя на место других, не раздумывай, что будет лучше – ты на лесоповале будешь трубить по доносу соседа или сосед будет сучки рубить по твоему доносу? Разве думают летчики о том, что будет, если он собьет своего противника или солдаты в окопе, целящиеся друг в друга? Один не станет стрелять, а другой выстрелит. И жизнь такая же война, причем постоянная, коварная и безжалостная. И выживает тот, кто стреляет первым.

Заблудшего и честного можно простить, но честного и безжалостного прощать нельзя. Не засиживайся на одном месте и бойся милостей царских. Сейчас ты не мальчик, а одинокий учитель. Проверь на главпочтамте по месту жительства почту до востребования на свое имя. Прощай.

– Прощайте, учитель.

Глава 7

Совместно с всероссийской чрезвычайной комиссией, ВЧК, работали и военно-революционные комитеты, ВРК. Работы у них было не впрокорот. Промышленные предприятия объявлялись собственностью Российской республики, хозяева отстранялись от дел, но обязывались платить зарплату рабочим, подвергаясь аресту за невыплату зарплат.

Одновременно с огосударствлением предприятий проводилось закрытие газет, не поддерживавших большевистское правительство. К 27 октября 1917 года только в Петрограде было закрыто 27 газет.

Как и предрекал мой учитель, в августе 1918 года было совершено покушение на товарища Л (У).

Правительственные комиссары отозвались Постановлением о красном терроре. Сидели и ждали, когда кто-то и что-то сделает. Уверен на сто процентов, что это дело рук большевиков, чтобы развязать себе руки. А именно: усилить чрезвычайную комиссию, всех подозрительных посадить в концлагеря, причастных к заговорам и мятежам расстрелять с опубликованием списков расстрелянных, чтобы запугать пока еще живое население. Подписали комиссар юстиции Д. Курский, комиссар по внутренним делам Г. Петровский и управляющий делами и брат генерала Вл. Бонч-Бруевич.

Сразу же состоялись межрайонные совещания ВЧК по вопросу проведения террора в связи с покушением на тов. Л (У). Постановили. Взять заложников. Устроить в районах концлагеря. Быстро рассмотреть дела контрреволюционеров и расстрелять их. Ответственным представителям ВЧК присутствовать при расстрелах. Решить вопрос о трупах. При нахождении у контрреволюционеров оружия – расстреливать самостоятельно. Арестовывать эсеров.

То, что должен был сделать отвечающий за судьбу России русский царь, сейчас делали большевики, десятками тысяч уничтожая недовольных и классово чуждых им людей.

Попустительство всегда чревато активизацией преступных элементов, которых трудно призвать к ответственности. И самое опасное для любого государства – либеральная интеллигенция, чью деятельность равносильно приравнивать к преступлениям насильников и грабителей.

Я соглашусь с большевистским определением – гнилая интеллигенция, которая будет пособничать любому врагу государства, в котором она проживает, лишь бы сделать своему государству побольнее.

Народ простой боялся большевиков и жалел буржуев, не забывая взять в пустых квартирах что-нибудь себе на память. А когда был объявлен «мир хижинам и война дворцам», то все цокольные жители начали уплотнять буржуев, создавая коммунальные квартиры.

Рассказывать о быте коммунальных квартир это все равно, что писать собрание сочинений о нравах и культуре коммунальных квартир Римской империи и их влиянии на соответствующие аспекты жизни коммунальных поселений Российской республики, начиная с 1917 года.

В ноябре 1918 года (по старому стилю в октябре) мне исполнилось восемнадцать лет и меня забрали в армию на уральский фронт. Живущий почему-то в Кремле (кто его туда пригласил?) поэт Демьян Бедный писал про таких, как я:

*Эх, куда ты, паренек, эх, куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты.
В Красной Армии штыки, чай найдутся,
Без тебя большевики обойдутся.*

Не обошлись. В боях мне участвовать почти не пришлось. Как выходцу из бывших, мне особенно не доверяли и по грамотности моей определили писарем в штаб. Ко всем своим секретам.

Сидел, подшивал бумаги, читал и регистрировал донесения, жалобы на рассмотрение начдиву или начштаба. Тут я заприметил, что начал на меня обращать внимание заместитель начальника особого отдела дивизии. В декабре 1919 года их создали для осуществления контрразведывательной работы в армии, выявления шпионов и преступников в армейских рядах.

Как ни уничтожали старую государственную машину, а все равно пришлось возвращаться к ней. Специалистов контрразведки не было. Даже я со своим опытом общения с учителем мог считаться специалистом, но раскрываться ни перед кем я не мог. Да и надо как-то от вербовки отвертеться.

А особист все ходил, семечками угощал, иногда махоркой, спрашивал, пишу ли я родителям, отписываю, наверное, как я подвиги в боях совершаю. Так, слово за слово, познакомились поближе, а он мне и говорит:

– Вижу я, что парень ты хороший, наш, советский и к должности своей относишься серьезно, хотя все считают это не мужской работой. В армии любая работа мужская. Есть у меня к тебе поручение. Готовится наступление на Пермь. Нужно согласовать действия с пермскими подпольщиками, рабочими сталелитейных и оружейных заводов, у них серьезная боевая дружина. Кроме тебя идти в Пермь некому. Ты молодой, сбросим тебе годок, возраст не призывной, оденем в сборную гимназическую форму, едешь к тетке, мол, в Петрограде стало голодно. Будешь ждать нас в Перми.

И пошел я во вражеский тыл. Гражданская война она тем особенная, что каждый человек, тобой встреченный, может оказаться другом, а, может, оказаться и врагом, несмотря на то, носит ли он звездочку на фуражке или трехцветную кокарду на папаше, красные ли у него «разговоры» на гимнастерке или золотые погоны на плечах.

Это все равно, что спросить, кто для человека страшнее, волк или медведь. Я отвечу – заяц. Заверещит косой, – хватайте его, жрите, только меня, зайца, не трогайте. Вот такие зайцы и работали на обе контрразведки. И хорошо работали. Кто бы ни победил, они на белом коне несутся к штабу проигравшей контрразведки, чтобы свою папочку уничтожить и доложить, что архивы вражеские захватили, за что орден полагается с бантом на орденской ленте или с розеточкой под орденом.

Так и я шел, ни к кому не прислоняясь. Писем и записок при мне не было. Обыскивай не обыскивай, а чего нет, то того и нет. Пароль запомнил, а текст затвердил как Отче наш. Без шуток. Так на мотив молитвы и запоминал и прекрасно помню, что соответствует строчке «и избавь нас от лукавого». Попробуйте что-нибудь запомнить при помощи молитвы, сами удивитесь. Будете как бы снова и снова повторять молитву, а вместо божеских слов у вас будут высказывать целые куски запомненной информации. И все это от Бога.

До Перми добрался без приключений. Пришел по адресу, где никого не должно быть (хозяева уехали дальше на восток), чтобы оправдать свое появление в городе. Напросился на постой в дом неподалеку от связника. Понаблюдав. Все спокойно. Зашел, сказал пароль и в этот же день меня свели с руководителем подполья. Передал, что велено и сразу же был зачислен заместителем командира боевой десятки.

– Ты человек военный, нам такие нужны, – сказали мне.

Бой за город был яростный. Из нашей десятки остались двое. Я и еще один паренек. Пришлось стрелять из всего, что попадалось под руку, чтобы остаться в живых. За выполнение задания меня наградили золотыми часами на цепочке с надписью: «Честному бойцу Уральского фронта за выполнение особого задания».

Начальник Особого отдела дивизии вызвал меня, долго говорил со мной, убеждал пойти работать к нему, ему, мол, нужны боевые и грамотные люди.

– Классовая борьба обострится, а достойных людей, которые должны стоять на острие ее, мало, – говорил он, – грамотешки маловато.

– Так и меня, когда подрастут грамотные люди, вы тоже вычистите как неблагонадежного, – парировал я.

– Нет, ты уже человек проверенный, да и родители твои не из буржуев, а из мещан, до конторщиков выучившиеся, а это почти что пролетарии. Нет, ты наш. Иди и думай над моим предложением, – сказал начальник.

И пошел я думать над этим предложением.

Глава 8

Думать долго не пришлось. Через два часа вызвали меня к начальнику штаба, а там уже сидел начальник Особого отдела.

– Жалко, – сказал начальник штаба, – ответственный и грамотный работник, герой, можно сказать, и жалко отпускать, но вот начальник Особого отдела убедил, что для безопасности войск ты более пригодный, чем для работы в штабе, хотя и обещали, что участок работы тебе будет определен в штабе. С тем я тебя и отпускаю. Служи честно, а мы тебе поможем.

Начальник штаба встал и пожал мне руку. А начальник Особого отдела приобнял меня за плечи и сказал:

– Поздравляю. Я так и знал, что ты примешь правильное решение. Пойдем, буду знакомить с сотрудниками Особого отдела.

С одной стороны, они все решили за меня, а с другой стороны – учитель не должен быть официальным сотрудником органов. А я и не учитель, хотя и выполняю его обязанности здесь, в России. Поэтому в составе органов меня искать не будут.

– Все, что ни делается, все делается к лучшему, – говорил какой-то классик или просто умный человек, и говорил он правильно.

Отдел был небольшой. Семь человек, включая начальника и заместителя. Оперуполномоченные по полкам и отдельным частям. Один оперуполномоченный по контрразведке работал вместе с заместителем начальника, и один вместе с начальником работал по разведке. Этим работником назначался я. В мою задачу входил опрос пленных, вербовка из их числа своих помощников и заброска обратно в расположение белых войск, установление и поддержание с ними связи.

– С офицерами будем работать вместе, – наставлял меня начальник. – Колоть их надо, сволочей, заставлять работать на нас. Я тебя научу, я в этом деле руку уже набил.

Я представлял, как он набил себе руку. Офицеры, по существу, были смертниками, и сдача в плен означала неминуемую смерть либо сейчас, либо с отсрочкой в несколько лет унижений. Надежда на то, что на этой стороне тоже русские, была обыкновенным призраком. Безопаснее было сдаваться каким-нибудь диким африканским племенам.

Как я и предполагал, действующей офицерской агентуры не было. Озлобленные офицеры давали согласие на работу, но после возвращения шли в контрразведку с повинной и становились такими врагами советской власти, каких нужно еще поискать. Кто побывал в красном плену, больше не сдавался.

Честно говоря, и белая, и красная стороны больше бы добились гуманным отношением к противнику и к людям, которые их окружали. Большевики совершенно забыли опыт всех предшествующих революций.

Приходили радикалы, совершали революции, уничтожали королей и их приближенных, аристократию, расчищая путь новым королям и аристократии, которая отметала кровопийц, подвергая их той же казни, какой они подвергали других, и все возвращалось на круги своя.

После террора Конвента и якобинцев пришел молодой генерал Наполеон, и от якобинцев не осталось даже могил, зато появились новые аристократы и император Бонапарт Наполеон.

Ушел Наполеон – вернулся Людовик. Затем пришла Республика, но аристократия никуда не делась и страной правили не бедняки, а зажиточные слои населения.

Та же судьба уготована и большевикам. И я, как учитель, свою задачу вижу в том, чтобы меньше невинной крови пролилось до того времени, когда все репрессии станут тяжким грехом людей, виновных в них.

В начале февраля я зашел к начальнику отдела, который сказался больным и находился у себя на квартире. Хозяев дома не было. В комнате начальника было накурено. На столе стояла четверть самогона, на газетке лежали нарезанные сало, хлеб, соленые огурцы, а около правой руки лежал «наган».

Видно было, что начальник крепко выпивши, и что он недавно плакал.

– Садись и пей, – сказал он.

Он налил чуть ли не полный стакан сизоватого самогона и придвинул ко мне.

– Пей. Чокаться не будем.

– Погиб кто-нибудь? – спросил я.

– Погиб. Пей за упокой его, – сказал начальник отдела.

Мы выпили. Закусили. Молча закурили.

– Ты кто такой? – глядя подозрительно на меня, спросил начальник.

– Как кто? Ваш сотрудник, каждый день вместе работаем, – несколько удивленно ответил я.

– Я тебя спрашиваю, ты человек или не человек? – хмуро пробасил начальник.

– Я – человек, – гордо сказал я.

– Смотри, человек, – начальник взял в руку «наган», – я тебя прямо здесь, у стола, положу, если только почувствую, что ты не человек, а гадина ползучая. Читай, – и он протянул мне листок бумаги.

На машинке было отпечатано циркулярное письмо ЦК РКП (б) о расказачивании, секретно. С казачеством вести беспощадную войну путем поголовного его истребления. Никакие компромиссы недопустимы. Приказывалось провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно. Беспощадный массовый террор к тем казакам, кто хоть как-то боролся с Советской властью. Среднее казачество поставить в условия заочно приговоренных. Конфисковать хлеб и все продукты. Расстреливать всех, у кого будет найдено оружие. Оружие выдавать только иногородним. Казачьи земли заселить пришлыми и беднотой. Комиссарам проявлять максимальную твердость.

– Прочитал?

– Прочитал.

– Что скажешь?

– Ничего не скажу.

– Почему ничего не скажешь?

– Не хочу.

– Боишься меня?

– Боюсь.

– Налей еще по полстакана.

Налил. Выпили.

– Ты понимаешь, что я из казаков, – сказал особист. – Из зажиточных. С войны пошел с большевиками, а вся родня моя взяла нейтралитет, ни у красных и ни у белых не служить. И сейчас их всех под корень вырубят. Весь род. Кто я буду такой? Я буду палачом своей семьи. Скажи я что-то против, меня расстреляют здесь же, на месте, как скрывшего казачье происхождение и как врага революции. Что же делается? Что за звери пришли в нашу Россию и почему я им служу? Боже, за что ты меня наказал безумием? Сатана придет, тоже будет строить новую жизнь, сжигая старые храмы, отбирая семьи и давая взамен блудниц.

Я знаю, что ты не простой человек, поэтому и позвал тебя. Я видел тебя мельком на съезде учителей. Ты сидел среди учеников. Я тоже был учителем, имел своего ученика,

но был определен в чекисты и моего ученика забрали. Я не знаю, кто твой учитель, где он, но знаю, что вы имеете право доносить вверх ваше видение ситуации. Доложи, что циркуляр ЦК бесчеловечен. Да что я говорю? Это документ, пришедший от Дьявола. Нельзя уничтожать русских в России. Нельзя! Помогите нам, а?

Я молчал.

– Я знаю, что тебе нельзя иметь свое мнение, но слова мои ты передашь своему учителю, – сказал начальник. – Помогите нам чем-нибудь, если сможете. Кстати, я там отписал тебе указание, что на тебя возлагается обязанность по оперативному поиску твоего учителя и тебя, его ученика. Срок поиска не ограничен. Пополняй изредка папочку бумагами, чтобы никто не заподозрил, что ты не выполняешь указание. Про этот циркуляр никому и ничего не говори. Я тебе ничего не показывал. Иди. Да пришли ко мне хозяйку.

Я ушел. Часа через два прибежала хозяйка дома и сообщила мне, что начальник отдела застрелился.

Расследование сделало вывод, что застрелился он по пьяному делу от тоски по семье. Дело закрыли.

Допрос хозяйки вел я. Она мне рассказала, что после моего ухода она больше часа лежала в постели с начальником, а потом он оделся в чистое белье и застрелился у себя в комнате. Все это в протокол я не вносил.

Глава 9

Секретариат действительно передал мне документ о розыске моего учителя, его приметы, возраст, возможные районы нахождения. Примет ученика не имеется, но он постоянно находится с учителем. Документ я подшил в картонную папочку, подписал просто «Учитель» и положил в железный ящик. Буду «искать».

В Перми у меня закрутился такой роман, что я совершенно потерял голову и допустил ту ошибку, которую совершают один раз в жизни.

Я познакомился с ней на собрании комсомольской ячейки отряда ЧОН (часть Особого назначения), приданного Особому отделу для противодействия бандитским элементам в тылу действующих войск. Ее звали Татьяна.

*В любом романе есть Татьяна,
И для нее есть добрый гений,
Печальный демон без изъяна
С известным именем Евгений.*

У меня нет имени, а то, которое есть, конечно, не Евгений.

Мы сидели рядом, и я видел ее греческий профиль, вьющиеся волосы, подвязанные красной косынкой. Я сидел и никак не находил повода первым заговорить с ней, и она поглядывала на меня, хотя одежду мою никак не назовешь щегольской. И имя ее я узнал от председателя собрания.

– Слово предоставляется комсомолке Лариной. Татьяне, – сказал он и улыбнулся.

Сочетание имени и фамилии ничьего внимания не привлекло, а на сцену уже выпорхнула Татьяна Ларина:

– Товарищи. Нашему отряду поставлена задача по обеспечению тылов действующей армии. Задача очень важная и мы все учимся военному делу, чтобы быть во всеоружии при встрече с нашим классовым врагом. Я вот, например, хорошо стреляю из нагана, а меня не берут на боевые задания. Как это называется? Это называется нарушением политики партии по эмансипации женщины. Женщина перестала быть рабыней и вместе с мужчинами имеет равные права. Поэтому я требую, то есть предлагаю, записать в протокол, чтобы девушек тоже брали на задания, потому что вдруг кого ранят, некому будет оказать квалифицированную помощь. Вот. Все у меня.

Татьяне достаточно активно поаплодировали.

Когда она села на свое место, я протянул ей руку и сказал:

– Молодец, Татьяна. Мужчины всегда храбрее ведут себя в присутствии женщины.

– Я это вижу, – отпарировала Татьяна. – А я вас знаю, вы работаете в Особом отделе, и все говорят, что вы геройский человек.

– Ну, уж и геройский человек, – заскромничал я, – а вот все сидел рядом и не мог набраться храбрости познакомиться с вами. Можно я вас провожу после собрания?

Щеки Татьяны слегка покраснели, и она согласно кивнула головой.

Несмотря на то, что в Перми стояли части Красной Армии, уровень преступности был несколько не меньше, чем в то время, когда здесь были белогвардейцы. Любая война поднимает всю грязь, которая скапливается в обществе, и она, как пена выплывает на поверхность.

Налетчики, насильники, просто хулиганы нападали на советских служащих и военных в поисках денег и оружия. Этим пользовался враг. Да и мы не пренебрегали уголовным элементом. Иногда из уголовников получались неплохие работники, а от некоторых приходилось избавляться без бюрократических закорючек. Навсегда.

Наши отношения с Татьяной развивались очень быстро. Слово отношения нужно понимать в старомодном стиле, как дружеские, а не как интимные. Мы даже за руки не могли взяться, чтобы не вызвать каких-то кривотолков о двух комсомольцах.

Я рассказывал ей о Петрограде, об улицах, зданиях, о реке Неве. Она мне рассказывала о своей Самаре, иногда напевала: «ой, Самара городок, беспокойная я, беспокойная я, успокойте меня...» и это так получалось интересно и естественно, что ее хотелось взять на руки и крикнуть на всю улицу – смотрите, это я и моя невеста!

Однажды, когда мы вечером гуляли по берегу реки Камы, я почему-то рассказал о конференции учителей, на которой выступал тов. Л (У).

И вдруг:

– Так ты тот разыскиваемый учитель? Руки вверх! Два шага назад! Руки за голову! Иди вперед! Не оглядываться! При попытке бегства стрелять буду без предупреждения, стреляю я хорошо.

И я пошел вперед.

– Откуда ты взяла, что я какой-то учитель? – спросил я.

– Нам доводили ориентировку о его розыске, – просто сказала Татьяна.

Вот черт. Попал на агента. И чувствуется, что агента опытного и решительного, несмотря на молодость. Ориентировка находится у меня. Начальник отписал, чтобы ознакомили оперативных сотрудников и учили в проведении оперативно-розыскной работе. Сам ознакомил всех сотрудников отдела под роспись. Чей она агент? То ли я в разработке, то ли сейчас проколотся случайно. Танька, конечно, дура большая. Как плотвичка. Увидела наживку и сразу клюнула. Нет бы, доложила своему оперуполномоченному, оперу, о том, что слышала. Отличиться захотела. Сама вражину поймала, орден давайте на грудь.

В темноте я не заметил корень дерева, запнулся за него и, взмахнув руками, стал падать. Сзади загревели выстрелы. Я выхватил свое оружие, такой же наган, как и у Татьяны, и несколько раз выстрелили в ее сторону.

Моей конвоирши не было видно. Держа револьвер наизготовку, я пошел в ее сторону. Она лежала ничком на тропинке. Повернув ее лицом вверх, я увидел темное пятно на груди и темное пятно на лбу, из которого сочилась кровь. Она не дышала. И я чувствовал, что ранен, левая рука с трудом двигалась и сильно болела.

Взяв руку Татьяны вместе с ее наганом, я сделал еще три выстрела, оставив один патрон. Свой барабан я расстрелял до конца.

Кое-как сняв себя гимнастерку, я попытался сделать перевязку на плече из своей нательной рубашки, но у меня получилась какая-то перевязь для левой руки.

Шатаясь от слабости, я пошел к виднеющимся вдали огням. Добравшись до первых домов, я попросил помощи и с провожатыми дошел до штаба дивизии.

В лазарете мне сделали настоящую перевязку и уложили в постель. Подошедшему работнику Особого отдела я рассказал о нападении на нас, описал место, где оставил убитую Татьяну. Сказал, что стреляли из темноты сначала в меня, а затем Татьяна начала стрелять по нападавшим, и я тоже открыл ответную стрельбу. Попали в кого или нет, я не знаю.

Татьяна в упор прострелила меня насквозь. Не задета кость, и пуля прошла рядом с сердцем. Доктор сказал, что мне здорово повезло. Ранение очень опасное, но его можно занести в разряд легких.

– Если никакая зараза не прицепится, то дней через десять будешь гарцевать как жеребец на выводке, – посмеялся он.

Было проведено расследование по факту нападения на нас. Стрельба велась из наганов. Мое ранение со спины. Татьяна убита револьверными пулями. Следов нападавшего не нашли. Криминалистической экспертизы пуль никто не делал. Если бы была экспертиза,

то можно было установить, кто в кого стрелял. Но в гражданскую войну было не до экспертиз.

Глава 10

Татьяна никак не выходила у меня из головы. Никакая революция любви не преграда. А если бы мы действительно поженились, завели семью, и вдруг в один прекрасный день она заметила, что мое поведение никак не соответствует облику строителя нового общества? Уверен, что она пошла бы к своему начальнику и письменно доложила о том, что ей стало известно.

Вероятно, Бог все-таки есть. Он отвел на миллиметры ее руку – руку хорошего стрелка – и направил мою руку, чтобы она долго не мучилась. Может, в том месте, куда она попадет, она будет таким же принципиальным работником и не даст никому уклониться от исполнения тех процедур, которые человеку прописываются в чистилище. Из нее бы получился классный черт или его помощник.

Через неделю меня уже стали выпускать на прогулки, и я пошел на центральное отделение почты Перми проверить, нет ли для меня писем.

Заказное письмо было. И пришло оно почти месяц назад, а я так и не удосужился проверить, сможет ли мой учитель держать в виду меня. Вероятно, держит. Добравшись до своей квартиры, я закурил и открыл конверт.

«Добрый день!

Твою работу одобряю. Не будь слишком перспективным. Учись хозяйственным делам. Я о себе дал знать. Будут нужны деньги, напиши на эту же почту до востребования Иванову Николаю Петровичу. Храни тебя Бог».

Письмо я сжег. Учитель жив и уже послал весточку тов. Ст. Нужно ждать отзыва ориентировки учителя здесь. Не геройствовать и после войны идти учиться на хозяйственника. Вероятно, мое время еще не пришло.

Отзыв ориентировки пришел примерно через месяц. Папочку с ориентировкой уничтожили по акту. Из-за маленькой бумажки погибла Татьяна, мог погибнуть и я. Бросить все и уйти я не смогу. Вернее, можно, но для этого нужно готовить легенду, а какой бы надежной ни была легенда, всегда в ней есть дырочки, в которую можно сунуть любопытный палец и сломать всю легенду. Живу так, как есть.

Историю гражданской войны пересказывать не буду. О ней уже сказано и пересказано. Даже через сто лет уроки этой войны не будут осмыслены, и никто даже пальцем не пошевелит, чтобы подобное не повторилось вновь. А в том, что революционная ситуация и гражданская война повторятся в России, в этом я не сомневаюсь. Причем это будет тогда, когда исполнится сто лет со дня той революции, развязавшей гражданскую войну.

Следуя наставлениям учителя, я не старался показать себя семи пядей во лбу, но к 1920 году уже стал начальником Особого отдела дивизии и считался опытным сотрудником военной контрразведки. Война практически закончилась:

*Разгромили атаманов, разогнали воевод
И на Тихом океане свой закончили поход.*

Я подал рапорт об увольнении в запас в связи с демобилизацией армии. Мне предлагали перейти на работу в территориальные подразделения ВЧК, но я сослался на то, что хочу быть учителем и поступил в педагогический институт в Екатеринбурге. Подальше от тех мест, где служил.

Мне было легче, так как я как демобилизованный командир РККА и сотрудник ВЧК получал паек и небольшое денежное содержание. Но все равно, трудная и веселая студенческая жизнь пролетела как один большой день. Я был не таким молодым студентом, но семью

заводить не торопился. Образ Татьяны не давал сойтись с кем-нибудь и доверять этой женщине так же, как и себе.

В 1925 году я получил диплом учителя истории и был направлен учителем в сельскую школу уже в Свердловской области. В северной ее части.

Пока я учился, Советская власть и ее славные органы ВЧК не сидели без дела. Еще при моем увольнении в запас вышел приказ ВЧК №52 о репрессиях против российской социал-демократической рабочей партии и партии социалистов-революционеров.

Приказано было «изымать» меньшевиков и эсеров. Что такое «изымать», перевода не требует. В этом же году был подавлен Кронштадский мятеж. Произведено «изъятие» анархистов. Подавлено антоновское восстание крестьян. Впервые после мировой войны командующим войсками Тамбовской губернии Тухачевским против восставших крестьян был применен ядовитый газ.

В 1922 году Советская власть начала изъятие церковных ценностей. Одновременно была произведена высылка за границу большой группы контрреволюционной интеллигенции.

Школа находилась в старом двухэтажном деревянном здании на высоком берегу небольшой речки. До революции в ней тоже находилась школа. Недалеко от нее высились колокольня белокаменного храма. За оврагом стоял монастырь, из которого монахи были выселены, а в монастыре была создана колония для малолетних преступников.

Дома в селе были деревянные, одноэтажные. Несколько домов были двухэтажные: первый этаж кирпичный, второй – деревянный. В этих домах располагались лавки. В селе было около двух сотен домов. И детей было достаточное количество, так что занятия в школе проводились в две смены.

Вероятно, судьба моя такая, что я выбираю себе самый сложный путь. Так я выбрал себе факультет истории. И кто дернул меня туда пойти? Был бы математиком или химиком, физиком, письменником, на крайний случай, но быть учителем истории на переломе эпох и идеологий – это вообще-то равносильно медленному самоубийству или «русской рулетке» с одним патроном в барабане. Не так преподнес тот или иной факт истории нашей, и прощай свобода, в столыпинском вагоне есть полка для тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.